

АЛЕКСАНДРОВА О. В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛОГИКИ, МЕТОДОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

В настоящее время в некоторых языковедческих работах наблюдается тенденция к смещению интереса в область интерлингвистики и к методам символической логики, причем последняя, в свою очередь, все более обращается к естественному человеческому языку. В связи с этим стало создаваться впечатление, что то, что верно для логики, верно и для естественного человеческого языка. Основой смещения языкознания и логики явилось, вероятно, неразличение естественных человеческих языков и различных искусственных языков, т. е. языкознания как раздела филологии и интерлингвистики как раздела семиотики.

Факт связи языка с процессами мышления хорошо известен [1]. Изучение структуры сложных предложений (например, сложноподчиненных) — наиболее близкая к логике область языкознания. Однако смешивать эти два научных подхода нельзя. Когда представителями логических направлений исследуется вопрос о пропозициональных функциях и вероятностной семантике, то их аргументация и выводы оказываются малопримлемыми для изучения естественного человеческого языка. Возможно, что они применимы для создания искусственных языков; однако переносить их на язык вообще без углубленного собственно лингвистического его изучения нецелесообразно.

Естественный человеческий язык, разумеется, можно представить в виде системы. Однако реально он существует только в речи и познается через речь. Только на основе тщательного и всестороннего анализа речевых произведений становится возможным прийти к обобщениям относительно функционирования данной самобытной семиотической системы.

Работа в области языкознания крайне затрудняется тем, что коль скоро исследователь ставит себе задачу изучения данного естественного человеческого языка и такое его описание (основанное на фактическом материале конкретного языка), которое служило бы практике нашей науки, сразу же возникают известные осложнения, связанные с отсутствием адекватной оценки бесконечно сменяющихся направлений зарубежной лингвистики, которые нередко оказываются, в конечном счете, бесплодными. Наглядным примером ограниченного подхода к изучению языка является генеративная грамматика, исходившая из ложных методологических посылок. Из сказанного следует, что прежде чем брать на вооружение какую-либо вновь появившуюся в зарубежной лингвистике теорию, следует оценить ее с позиций материалистического понимания природы языка. Продолжая традиции советского языкознания, следует глубоко изучать объективно существующий материал, данный в нашей языковой практике, исходить не из логических презумпций, а из фактов речи. Только на этой основе становится возможным проникновение в сложные процессы функционирования человеческого языка во всем их многообразии.

Чем же объясняется указанное выше «смещение», какие для этого можно найти объективные причины? Думается, что это зависит в большей степени от того интереса, который вызывается вопросом о месте логики вообще и символической логики в частности в системе знаний. К сожалению, в языковедении продолжают включаться — фрагментарно и недостаточно квалифицированно — понятия и методы символической логики.

Поэтому целесообразно хотя бы вкратце коснуться материалов недавно закончившегося VII Международного конгресса по логике, методологии и философии науки, проходившего в 1983 г. в г. Зальцбурге (Австрия). Понятно, что нас интересует прежде всего работа отдельной секции конгресса, посвященной основаниям и философии лингвистики, где исследовались связи языковых структур с познавательными структурами и механизмами. На секции обсуждались, в основном, две проблемы: 1) общие логико-методологические проблемы анализа естественного человеческого языка (значения, референции, интенции, соотношения логики и грамматики, истины и значения) и 2) логико-лингвистические проблемы анализа языка (языковые универсалии, вопросы квантификации материала естественного человеческого языка, лексического значения и т. д.).

Результаты состоявшейся дискуссии показывают, что «успех логического анализа естественного языка достигается лишь тогда, когда он опирается на правильную методологию исследования. Этот тезис особенно стал очевиден в свете несостоятельности программы Хомского и его последователей. Несмотря на отдельные частные позитивные результаты, теория трансформационного анализа оказалась неадекватной именно в силу ошибочности исходных методологических предпосылок» [2, с. 57].

Важным итогом конгресса явилось то, что «здесь отчетливо выявились преимущества диалектико-материалистической методологии, которая конструктивно снимает как абсолютизированную, оторванную от содержания науки формализацию, осуществляемую, например, в рамках неопозитивистских концептуальных схем, так и абстрактно-философские, в том числе натурфилософские построения, также лишенные реального научного содержания, идущие не от анализа существующих теорий самой науки, а навязывающие ей априористические идеи „чистого мышления“» [2, с. 42—43]. Позитивистские концепции Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда все более теряют свое влияние, в то время как возрастает роль диалектико-материалистических подходов.

Само собой разумеется, что «...эффективность такого подхода определяется умением владеть методом диалектики профессионально, а это дается не каждому и тем более не сразу: нужна большая школа изучения истории философии, трудов классиков диалектико-материалистической философии, современной философской литературы» [2, с. 43].

Небезынтересно отметить некоторые выводы, полученные в результате всестороннего обсуждения во время конгресса, которые связаны с общим направлением изучения соответствующих вопросов, особенно в нашей стране. Начнем с наиболее сложных из них, касающихся основных номенклатур, служащих уточнению разных аспектов всей этой необъятной проблематики. Имеются в виду широко использующиеся, но лишенные необходимой точности в их употреблении такие составные термины, как «философия языка», «лингвистическая философия», «философия лингвистики», «философия логического анализа» и др. Определим основные понятия в той последовательности, в которой они даны выше.

Л о г и к а ф о р м а л ь н а я — наука об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания [3, с. 316]. К общезначимым формам мысли относятся с у ж д е н и я, п о н я т и я, у м о з а к л ю ч е н и я. Что такое «суждение»? Возможны несколько значений этого понятия: 1) То же, что высказывание, т. е. повествовательное предложение, рассматриваемое вместе с его содержанием (смыслом) как истинное или ложное. Терминология, относящаяся к высказыванию, не установилась, и термины «высказывание», «предложение» и «суждение» употребляются как синонимы; 2) Умственный акт, выражающий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли посредством утверждения модальности сказанного и сопряженный с психологическим состоянием убежденности или веры [3, с. 663].

М е т о д о л о г и я — это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Диалектико-материалистическая методология позволяет

адекватно понять характер отношений между теорией и методом, а также роль практики в познании. Диалектико-материалистическая методология, носящая всеобщий характер, конкретизируется применительно к разным сферам практической и теоретической деятельности соответственно их условиям и задачам [3, с. 365]. **Ф и л о с о ф и я** — это форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Новый этап: всестороннее развитие В. И. Лениным теории познания. Он выявил диалектический характер процесса познания, разработал учение о роли практики в познании и теорию истины, в том числе диалектику соотношения] абсолютной и относительной истин [3, с. 726].

Приведенные определения основных понятий необходимы, т. к. иначе нельзя разобраться в той путанице, которая возникла в лингвистике и смежных с ней областях. Так, в литературе весьма широко употребляются следующие составные термины: «philosophy of language», «linguistic philosophy» и «philosophy of linguistics». Попытаемся дать определения этим терминам, опираясь на уже существующие работы.

Ф и л о с о ф и я **я з ы** **к**а (philosophy of language, нем. Sprachphilosophie) представляет собой одну из областей применения философского метода, т. е. рассмотрение фактов данной конкретной области знания в плане наиболее общих законов развития природы, человеческого общества и мышления. **Л и н г в и с т и ч е с к а я** **ф и л о с о ф и я** (linguistic philosophy) представляет собой разновидность логического позитивизма (оксфордская школа), постулирующего возможность решения философских проблем путем логико-лингвистического анализа отдельных слов, выражений и предложений (фактически отдельных фрагментов языка, а не языка в его реальной целостности). Таким образом, она отрицает мировоззренческий характер философии, считая традиционные философские проблемы псевдопроблемами, которые возникают вследствие будто бы дезориентирующего влияния языка на мышление. Специфика «лингвистической философии» выступает наиболее четко при сравнении ее с так называемой «философией логического анализа», которая сводит философию к логическому анализу языка и возникающих при его использовании проблем средствами современной математической логики. Отсюда понятие «метафилософии», т. е. способов выражения в языке философских проблем. **Ф и л о с о ф и я** **л и н г в и с т и к и** (philosophy of linguistics) — это раздел научной метатеории в духе Рассела, раннего Виттгенштейна и Карнапа.

Из имеющейся обширной литературы, посвященной соотношению философии и языка, продолжает привлекать внимание книга философа Дж. Сёрля, подробно и обстоятельно останавливающегося на соотношении философии языка и так называемой «теории речевых актов» [4]. В начале своей книги Сёрль пишет: «Лингвистическая философия» (linguistic philosophy) — это название метода. «Философия языка» (philosophy of language) — это название предмета. Хотя я иногда буду пользоваться методами лингвистической философии, эта книга посвящается **ф и л о с о ф и** **и** **я з ы** **к**у, а не лингвистической философии» [4, с. 4]¹.

Таким образом, ни философия языка, ни предлагаемая зарубежными философами теория «речевых актов» не могут быть отнесены к языковедению: философы обращаются к языку в качестве материала для **с о б с т**

¹ В книге Сёрля много интересных наблюдений: о художественной литературе (с. 78—79); о знании языка (особ. с. 13 и сл.). Сёрль различает «употребление выражений» (use of expressions) в отличие от «значения предложений» (meaning of sentences) в зависимости от преимущественного интереса к тому или другому, в связи с чем он подразделяет «современную» философию языка на два течения (strands). Интересны разбор природы суждения (с. 29 и сл.), проводимое Сёрлем различие между «употреблением» слова и «упоминанием» о нем (с. 73 и сл.), особенно в связи с вопросом о кавычках на письме; прекрасное описание кванторов и дескрипторов и мн. др.

венно философских рассуждений и выводов. Заметим, что Сёрль специально подчеркивает, что он занимается философией, а не лингвистикой («Эта книга — не сочинение по языкознанию») [4, с. 4]. Далее следует определение «лингвистики», которое перекликается с тем, которое находим, в частности, у Вендлера. «Лингвистика пытается описывать фактические структуры — фонологические, синтаксические и семантические — естественных человеческих языков» [5]. В данном случае мы еще раз сталкиваемся с концептуальными расхождениями относительно предмета языкознания как области научного знания, которое часто фигурирует в построениях Остина, Вендлера, Сёрля и других ученых. Будучи философами, они не занимались языкознанием и, в частности, как это нередко бывает, не знакомы с работами советских филологов, убедительно показавших, что наука о языке исследует прежде всего речь как единственную форму существования языка [6]. «Философы языка», очевидно, полагают, что языковеды оперируют только чистыми абсолютными структурами и что именно «лингвистическая философия» впервые обратилась к реальности «обыденного языка» (ordinary language) и, следовательно, к изучению речи. Они убеждены в том, что именно они первыми обнаружили необходимость обращения к изучению того, что действительно происходит в процессе речевого общения. Создается впечатление, будто им не известно, что существует речеведение (speechology), наука, которая специально изучает различные аспекты реального функционирования языка и особенности «речевого акта», т. е. того, как люди реально пользуются языком, говорят на языке.

Нельзя не выразить недоумения по поводу того обстоятельства, что в работах по «речевым актам» (speech acts) совершенно не учитывается известная книга А. Гардинера [7]².

А между тем адекватное описание «речевого акта» является, пожалуй, наиболее существенной частью этой блестящей книги. Автор подробно и всесторонне освещает такие понятия, как слово, его значение, референт, звуковая оболочка (и связанные с последней вопросы омонимии), интонация, модальность (включая модальность побуждения). Гардинер подробно описал и убедительно разъяснил соотношение «locutional» и «elocutional» sentence-forms.

Трудно представить себе языковеда, который, встретив у Остина термины «locutionary»/«illocutionary acts», не вспомнил бы об аналогичных прилагательных у Гардинера, сущность которых раскрыта на прекрасно подобранном языковом материале с учетом диалектики «конгруэнтной» и «инконгруэнтной» функций (congruent and incongruent functions).

Повторю, что философия естественных человеческих языков (the philosophy of language) — это вполне правомерный раздел философии. Она входит в ряд таких разделов последней, как философия математики, физики и, шире, философии естественных наук вообще. То, что философия может изучать язык, как и всякий другой предмет, не может вызвать возражений или сомнений. Слабость рассматриваемых философских концепций в том, что несмотря на ряд интересных частных наблюдений, они строятся на превратном представлении о языке и представляют его не таким, как он реально существует и функционирует, а таким, как он видится ученым данного философского направления,

² Думается, что все уже возникшие и не переставшие возникать недоуменные вопросы, связанные с «завещанием» Остина, вызваны незнанием языковедческих исследований вообще и работ Гардинера в частности. Остин был философом, и его посмертно опубликованная книга «How to do things with words» была отнюдь не языковедческой работой. Но, хотя и умозрительно, он все же выделял не менее пяти «illocutionary forces», способных встречаться в речи: verdictives, exercitives, commissives, bahabitives и expositives, которые все снабжены строгим философским определением. Почему широкое хождение получили только «перформативы» — остается непонятным. Как видно из основного текста, мы вовсе не касались вопросов этики (так называемой «moral philosophy»), которая в лингвистической философии упирается в значение слов и выражений «обыденного языка». Подробное — и в высшей степени компетентное — рассмотрение этих вопросов можно найти в книге Дж. Уорнока [8].

При этом совершенно не учитываются важнейшие выводы, к которым приходит языковед, рассматривающий материал разных языков.

Поэтому понятно, что обращаясь к изучению «обыденного языка», т. е. речи, без предварительного ознакомления с работами лингвистов, философов всех «лингвистических» направлений занимаются преимущественно следующими вопросами: что значит быть истинным, а не ложным; что значит быть суждением, или утверждением, или обещанием и т. д. Выводы, к которым приходит философ, изучая с философских позиций ту или иную языковую категорию, имеют только абстрактное философское значение. При этом основной смысл исследований сводится к выяснению того, какие утверждения можно считать истинными, а какие ложными. Иначе говоря, задача философа состоит в том, чтобы представив себе «обыденные выражения», сделать спекулятивные выводы, которые относились бы к языку вообще.

Закономерно поставить вопрос: в чем же тогда различие между «философией языка» и общим языкознанием? По-видимому, в том, что общее языкознание трактует реальные данные отдельных языков и затем их обобщает, тогда как философия языка как особый спекулятивный предмет стремится к умозрительным выводам о языке «вообще», т. е. о любой семиологической системе, способной выразить истинное суждение (в отличие от ложного), утверждение или обещание.

Выше мы уже говорили об отсутствии интереса со стороны лингвистической философии, теории «речевых актов» и т. п. к работам их предшественников-языковедов. Между тем особенно следовало бы учитывать работы лингвистов, стремящихся к сотрудничеству языкознания с логикой и философией. В этом отношении исключительный интерес представляет книга Ю. С. Степанова «Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика)» [9]. Основным и исходным в этой книге является предложение, понимаемое как структурная схема или пропозициональная функция. После того как установлена систематика типов предложений, т. е. таксономия синтаксиса, «челночной процедурой» выявляются зависимые от предложения таксономии словаря, в сфере которого выделяются имена (как соответствия «термов» в составе предложения) и предикаты (как соответствия «предикатов» или отношений между терминами в составе предложений) [9, с. 4]. Таким образом, создаются предпосылки для постановки вопроса об изучении «языка вообще» [9, с. 5] (язык определяется как «совокупность категорий и правил»). Следует подчеркнуть, что хотя общее направление рассуждения здесь и совпадает с тем, что постулируют «новые» философы, идет оно в прямо противоположном направлении: Ю. С. Степанов приходит к синтезу понятия структурной схемы предложения с понятием пропозициональной функции уже после того, как в работах Н. Ю. Шведовой и Т. П. Ломтева были созданы для этого реальные предпосылки [10—13]. Один из выводов, к которому при этом приходит читатель, — это блестящая эрудиция автора (прежде всего в области языкознания) в сочетании с глубоким пониманием существа логических и философских категорий, отличное знание истории всех трех наук³.

Итак, философия языка традиционно занимается природой пропозициональной функции в связи с предложением, суждением, умозаключением и т. д. Однако «новая» философия теперь расширяет сферу своих интересов: в современных работах по философии языка рассматривается употребление выражений в речевых ситуациях и значение предложений. Следует напомнить о двусмысленности слова «meaning». Английский глагол *to mean* имеет два совершенно различных значения: 1) «иметь в виду, подразумевать» и 2) «значить». Если считать, что русское *значение* и англ. *meaning* — эквиваленты, то значение — это то, чем наделены слова или их сложные идиоматические эквиваленты; соответственно, когда речь идет о словосочетании (если одно сложное понятие выражается несколь-

³ Выдающимся достижением работы Ю. С. Степанова является то, что она насыщена богатым, тщательно проанализированным языковым материалом.

кими раздельнооформленными единицами), то возникает или сумма этих значений, соответствующим образом взаимодействующих и видоизменяющихся, или же получаются эквиваленты «монем», сложные идиоматические эквиваленты «монологических» слов. Предложения, в отличие от слов и словосочетаний, имеют не значения (meanings), а «содержание-намерение» (purport).

Употреблять «высказывания» в речевых ситуациях значит, как давно признавалось, принимать участие в некоторой уже установленной, подчиняющейся определенным правилам форме поведения (behaviour). Говорить на языке — значит осуществлять «речевые акты», делать утверждения, давать указания, обещания, воспроизводить «речевые акты» как канонизированные формы общения. Поэтому естественно было бы ожидать анализа текстов, т. е. достаточно протяженных «высказываний», в которых наглядно раскрывались бы «нормы поведения» и становилось бы ясным, как при помощи слов можно «делать дела» (How to do things with words). Но обращения к реальному материалу по существу так и не происходит. Соотношение понятия «sentence» («предложение») и «utterance» («высказывание») так и остается невыясненным. А между тем имеющийся скудный материал неизменно выступает в виде отдельных предложений/пропозиций, никак не связанных с какой бы то ни было реальной ситуацией общения, искусственно составленных, придуманных автором и вызывающих недоверие или протест у языковедов. Напомним, что Дж. Ферт (J. Firth), как и Р. А. Будагов, считал подобные предложения консенсом и отказывался принимать их за подлинные факты языка.

Сколь настойчиво ни выдвигалось бы на первый план «высказывание» («предложение», «суждение») с его «локуционными», «иллокуционными» и «перлокуционными» свойствами, оно не может обойтись не только без «предикатов», но и, самое главное, без «термов» и их денотатных и сигнификатных группировок [9].

Любой анализ значения слова должен исходить из того, что оно (значение) остается равным себе в различных предложениях, независимо от их формы. Например, слово *true* «истинный» сохраняет свое значение независимо от формы предложения, в которое оно входит, — вопросительного, изъявительного, условного, отрицательного, желательного и т. д. Еще Г. Фреге был убежден, что значение предшествует «референции», которая может осуществляться только вследствие (и благодаря) наличию значения.

Попытаемся теперь подвести краткие итоги сказанному. Вряд ли у кого может вызвать сомнение актуальность вопросов, возникающих при изучении взаимодействия логики, методологии и философии с языком. Вполне обоснованным и очень своевременным является то, что на Международном философском форуме этим вопросам было уделено такое большое внимание. Вряд ли можно также сомневаться в том, что это только начало большой работы, которая будет способствовать все большему расширению знания, осведомленности гуманитариев, их знакомства с разными направлениями исследования, практикуемыми в разных странах.

Вместе с тем даже самого беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться, сколь узким остается у многих авторов кругозор, как легко они удовлетворяются приблизительными формулировками, особенно если эти формулировки по той или другой причине восприняты как «новые» и «оригинальные» («модные»). Еще хуже то, что нередко повторяя те или иные понравившиеся лозунги, не вникают в их методологические основы, в то, какое место они занимают в общей системе гуманитарного знания.

Как филолог я убеждена, что философам все еще не хватает сведений о предмете, методе и задачах языковедения как раздела филологии и что смешение языковедения и интерлингвистики (как раздела семиотики) приносит большой вред. Логикам и философам, использующим язык в качестве базы для своих построений и выводов, необходимо быть знакомыми хотя бы с достижениями науки о языке в своей стране, т. к. иначе они выступают в очень невыгодном свете. Можно порекомендовать им, наконец, познакомиться с советской филологией: у нас многие принципиальные

вопросы уже много лет решаются, причем эти решения неуклонно подтверждаются, в частности, огромным объемом лексикографической практики ⁴.

Можно спросить: а почему же все-таки лингвистическая философия столь упорно и настойчиво ограничивает себя искусственно составленными «пропозициями» и столь же настойчиво стремится выдать их за «обыденный язык», не обращаясь к реальным «актам речи»? По-видимому, по недоразумению. Если бы этот важнейший аспект всей нашей деятельности подвергся бы, наконец, серьезному рассмотрению, многое в интердисциплинарных контактах могло бы существенно измениться к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
2. Об итогах VII Международного конгресса по логике, методологии и философии науки. — ВФ, 1984, № 2.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
4. *Searle J. R.* Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1970.
5. *Vendler Z.* Summary: Linguistics and the a priori. — In: Philosophy and linguistics, Controversies in philosophy. Ed. by *Flew A. G. N.* London, 1971.
6. *Смирницкий А. И.* Объективность существования языка. М., 1954.
7. *Gardiner A.* The theory of speech and language. Oxford, 1951.
8. *Warnock G. J.* The object of morality. London, 1971.
9. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.
10. *Шедова Н. Ю.* Простое предложение. — В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
11. *Шедова Н. Ю.* О соотношении грамматической и синтаксической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
12. *Ломтев Т. П.* Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
13. *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.

⁴ Еще на заре советской власти В. И. Ленин обратился к ведущим советским лингвистам с призывом к созданию словаря русского языка. Изучение значений слов занимало большое место в работах таких наших крупнейших языковедов, как В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Д. М. Ушаков, А. И. Смирницкий и многие другие. Слово как основная единица языка, типы и виды лексических значений, принципы семантического анализа находились в последние 60 лет в центре внимания языковедов.